

ФІЛАСOFІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 001.895:1
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-2-95-102>

Поступила в редакцию 16.07.2024
Received 16.07.2024

В. К. Лукашевич

Інститут філософії Національної академії наук Беларусі, Мінск, Беларусь

**РЕЗОНАНСНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОЦИУМЕ:
ЯВНОЕ И НЕЯВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ**

Аннотация. Впервые осуществлено исследование форм и механизмов действия неявного знания в резонансных процессах в социуме. Выявлена специфика выражения форм этого знания на уровнях предметных представлений о носителях резонансных процессов, нормативных предписаний по их исследованию и рефлексивному осмыслению полученных результатов. На материалах теории подражания, концепций мемов, автопоэзиса и зеркальных нейронов показана продуктивность сопряженного анализа функционирования неявного знания в резонансных процессах социума средствами естествознания и социально-гуманитарных наук. Выявлены основные причины релятивизма значимости неявного знания у конкретных людей и социальных групп; важнейшая из них – личностный характер неявного знания, диапазон которого простирается от мировоззренческих представлений, типичных для определенной культуры и исторической эпохи, до индивидуальных тонкостей и предпочтений в осмыслении компонентов мироздания и конкретных ситуаций в жизненном мире личности.

Ключевые слова: резонансные процессы, социум, отклик, явное знание, неявное знание, когнитивные факторы, идентичность, релятивизм

Для цитирования: Лукашевич, В. К. Резонансные процессы в социуме: явное и неявное содержание / В. К. Лукашевич // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2025. – Т. 70, № 2. – С. 95–102. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-2-95-102>

Vladimir K. Lukashevich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

RESONANT PROCESSES IN SOCIETY: EXPLICIT AND IMPLICIT CONTENT

Abstract. The article is the first to study the forms and mechanisms of action of tacit knowledge in resonant processes in society. The specificity of expressing the forms of this knowledge at the levels of subject ideas about the carriers of resonant processes, normative instructions for their study and reflexive understanding of the results obtained is revealed. Based on the materials of the theory of imitation, the concepts of memes, autopoiesis and mirror neurons, the productivity of a conjugate analysis of the functioning of tacit knowledge in the resonant processes of society using the means of natural science and social sciences is shown. The main reasons for the relativism of the importance of tacit knowledge among specific people and social groups are identified; the most important of them is the personal nature of tacit knowledge, the range of which extends from worldview ideas typical of a particular culture and historical era to individual subtleties and preferences in understanding the components of the universe and specific situations in the life world of the individual.

Keywords: resonant processes, society, response, explicit knowledge, tacit knowledge, cognitive factors, identity, relativism

For citation: Lukashevich V. K. Resonant processes in society: explicit and implicit content. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2025, vol. 70, no. 2, pp. 95–102 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-2-95-102>

Введение. Резонансные процессы представляют собой один из наиболее распространенных и действенных механизмов социального отклика на события как в самом обществе, так и в среде его обитания. Тем не менее именно эти механизмы на данное время оказались недостаточно изученными во многом за счет недифференцированного осмысления их когнитивных факторов,

в частности, отсутствия внимания к тем, которые выражены в формах неявного знания. Соответственно, цель данной статьи заключается в экспликации этих форм и механизмов их действия в контексте изучения резонансных процессов в социуме. Связанные с ней задачи исследования во многом коррелируют с общегносеологической проблематикой, решаемой относительно роли неявного знания в познавательном освоении реальности, и вместе с тем ориентированы на ранее необсуждаемые аспекты: о связи неявных форм знания, функционирующих в русле резонансных процессов, с формами предпосылочного, предметного, нормативного и рефлексивного знания и их роли в сохранении идентичности и эволюции носителей резонансных процессов. Регулятивную основу исследования составляют требования референциального подхода и метода исторической реконструкции концептуальных построений.

Разработка заявленной темы связана, как минимум, с двумя принципиальными трудностями. Во-первых, с недостаточной изученностью критерии разведения явного и неявного знания, во-вторых, с нечеткими контурами резонансных процессов в социуме как исследуемого предмета.

О явном и неявном содержании не только резонансных процессов в социуме, но и любых процессов и образований реальности можно корректно рассуждать лишь в когнитивном контексте, относя к характеристикам их явного содержания те, которые представлены в формах знания, чье содержание «может быть передано от одного человека к другому и не требует дополнительной обработки для понимания» [1, с. 58]. Соответственно, их неявное содержание не обладает отмеченными характеристиками, хотя к настоящему времени отмечают его многообразные формы: субъектизированное, несубъектизированное, неартикулируемое, имплицитное, предпосылочное, личностное и др. Они зафиксированы в широком диапазоне познавательных ситуаций, по столь же широкому набору критериев, но не представлены в виде достаточно строгой классификации и не содержат требуемые логикой исследования заявленной темы методологические посылы. Предложены лишь некоторые абстрактные представления о месте неявного знания в когнитивной карте, выражающей особенности познавательного освоения реальности.

Во-первых, что касается разведения неявного знания и незнания в русле когнитивного процесса в целом, то в данном вопросе наиболее известна позиция В. Я. Цветкова, в соответствии с которой неявное знание – это промежуточное состояние между знанием и незнанием, обеспечивающая контекстуальную последовательность когнитивного анализа, оберегая как от неумного оптимизма относительно значения неявного знания в исследовательской работе, так и его радикального игнорирования.

Во-вторых, относительно учета достаточно определенно наблюдаемых места и функций неявного знания в контексте специфических познавательных ситуаций выделяют мировоззренческие неявные знания, коррелятивное, пространственное, сложностное, детерминированное социальными факторами и другие формы неявного знания, довольно удачно квалифицируемые по традиции, идущей из языкоznания как фоновые [2].

В целом же в исходных представлениях явно доминирует характеристика неявного знания как личностного, акцентированная основоположником анализируемого когнитивного направления М. Полани. Основания очень убедительны: при выходе за пределы личностного (индивидуального) сознания неявное содержание приобретает формы явного выражения, обеспечивающие его способность передаваться по обезличенным информационным каналам, не требующим «дополнительной обработки для понимания» (В. Я. Цветков).

Основная часть. В соответствии с темой данного исследования для нас первостепенное знание имеет содержательная наполненность неявного знания о резонансных процессах в социуме. И здесь, в соответствии со спецификой научного дискурса как одного из способов интеллектуального освоения реальности [3], предстоит достаточно определенно развести в нем неявное предметное, нормативное и рефлексивное содержание. Предметное неявное знание – это совокупность представлений о носителях резонансных процессов, их отношениях, связях и взаимодействиях с другими объектами реальности; нормативное – совокупность неявно принимаемых принципов, приемов и других средств регуляции познавательного процесса; рефлексивное – это неявно принимаемые цели познания (исследования), оценки качества полученного результата и его значимости для дальнейших исследований. Например, в додарвинской биологии неявно

принималось представление о невозможности радикальных катастроф, уничтожающих все живое; при создании специальной теории относительности А. Эйнштейн неявно принимал принцип соответствия, согласно которому существовавшие ранее представления о механическом движении полностью ассилировались новой системой физического знания; в рефлексивных системах классической науки неявно принималась посылка о вневременном характере (ценности) приобретенного знания. Предстоит найти прецеденты названных типов неявного знания в русле анализа резонансных процессов в жизнедеятельности социума.

Осмысление резонансных процессов в социуме началось с зарождения ментальной схемы, согласно которой подлежащие объяснению явления (объекты, процессы) и их состояния представлялись следствием воздействия на них особой вибрирующей субстанции. В своем генезисе она строилась на теолого-мифологических представлениях о мироздании и претендовала главным образом на объяснение мыслительных процессов отдельного человека (преимущественно социальной значимой личности) [4]. Со временем она была применена для обоснования критериев социальной дифференциации в креативном и далее иерархическом измерении. Тем не менее эти первоначальные примитивные умозрительные представления не были забыты и предопределили одно из актуальных направлений исследования резонансных процессов в социуме, поскольку оставалась проблемной природа источника и механизмов резонансных воздействий на отдельного человека и тем более на определенный социум в целом.

Понимая социальный резонанс как ожидаемый должный отклик со стороны индивида, социальной группы и социума в целом на определенное воздействие, при такой схеме объяснения терялась специфика резонансных воздействий. Они фактически отождествлялись с любыми направленными и даже ненаправленными воздействиями. Однако неявно принималось допущение о наличии особого механизма резонансного взаимодействия, детали которого неизвестны. В качестве явной принималась посылка о волновой природе такого взаимодействия, возникшая еще в глубокой древности, независимо от последующего естественнонаучного открытия волновой природы резонансов.

Исходным условием анализа явного и неявного содержания знаний о резонансных процессах в социуме является понимание их природы. Согласно историко-лингвистической традиции, оно (понимание) сводится к отклику определенного носителя резонанса (социальной группы, индивида) на внешнее воздействие природного или/и социального характера. Такое понимание в русле современных методологических посылов и требований квалифицируется как следствие референциального подхода, согласно которому научному исследованию должны подлежать все объекты (явления, процессы), являющиеся референтными образованиями относительно определенных (однокоренных) слов и словосочетаний. Такого рода референтами, например, слова «модель» являются природные (материальные), а также искусственные (материальные и идеальные, знаковые, символические) объекты, объединяемые в своеобразный кластер, фактически на основании сугубо лингвистической традиции. Вопреки доминирующему пониманию модели как объекта, когнитивно воспроизводящего оригинал и обладающего с ним неполным сходством, с термином «модель» исследователи связывали вещественные эталоны, образцы как полные аналоги других объектов, а также процессуальные (аферетические) и интенциональные модели и добивались теоретически и практически полезных результатов.

Аналогично при изучении резонансных процессов в социуме не всегда ограничиваются исключительно взаимодействиями объектов (генераторов и приемников резонансов), которые осуществляются благодаря их колебаниям с одинаковой, близкой или кратной частотой волн. Учитывается прежде всего факт отклика приемника на воздействие, исходящее от генератора, понимая в целом социальный резонанс как отклик в обществе на внешние и внутренние воздействия, имеющие значение для генезиса, поддержания идентичности и эволюции социальных образований, включая человека в его социальном измерении. Однако референциальный подход в данном случае не только не селекционирует подлежащую исследованию реальность, но и приводит к фундаментальным методологическим и практическим проблемам.

Во-первых, объединяется в один класс событий всё множество взаимодействий объектов (явления, процессов), имеющих своим следствием определенный отклик в социуме. В таком случае

необходимо далее, в соответствии с принципом дихотомии, выделять взаимодействия, не получившие отклика в реальности как наблюдаемого и осмысливаемого явления. Как это возможно? Возможно путем исключения последних из предметно-проблемного поля исследования как мнимой, лишь абстрактно-мыслимой реальности. Однако в настоящее («методологически просвещенное») время рядом окажется понятие виртуальной реальности с всеобщим признанием его фактически ничем и никем не ограничиваемым креативным потенциалом. Поэтому, в соответствии с референциальным подходом, логически приемлемым окажется признать существование резонансных взаимодействий, не получающих в социуме отклика вследствие отсутствия в социуме средств, необходимых для восприятия определенного типа взаимодействий, но тем не менее составляющих подлежащую исследованию реальность. На данное время они будут квалифицированы как область непознанного в когнитивном плане и как нечеткое множество в онтологическом измерении, т. е. как неявное в самом широком объеме содержание резонансных процессов.

Во-вторых, в той сфере социальной реальности, которая может быть отмечена наличием зафиксированных откликов на внешнее или внутреннее воздействия, предстоит выделить качественно особые результаты, в которых (в дополнение к изначально предсказуемым (предполагаемым) изменениям приемника воздействий, чьи механизмы в какой-то мере известны) содержатся изменения, генезис которых невозможно объяснить действием известных причин. Неизвестные причины и механизмы зафиксированных откликов – еще одна потенциальная область неявного знания о резонансных процессах в социуме.

Основной формой откликов на внешние и внутренние воздействия в социуме, как известно, являются изменения в поведении и образе мышления социальных групп и отдельных людей, а основные когнитивные механизмы, обеспечивающие эти изменения (равно и стабильность социальных состояний), составляют действующие нормы общежития (социального устройства) и общения. Всё, что выходит за рамки общепринятых представлений о специфике данных изменений и их механизмов, в соответствии с референциальным подходом, также можно считать проявлениями (результатами действия) резонансных процессов. Первая группа событий и их источников (движущих сил) в таком случае может быть квалифицирована как явные, а вторая – как неявные резонансные процессы. Состав первой группы – это принципиально ожидаемые (в том числе планируемые) резонансные процессы. Соответственно, вторую группу представляют неожиданные (непланируемые) события. И в первом, и во втором случае их предстоит квалифицировать как приемлемые или неприемлемые, а приемлемые в свою очередь могут быть охарактеризованы по степени значимости как: 1) малозначимые; 2) существенные; 3) определяющие для генезиса, поддержания идентичности и эволюции социальных образований, включая человека в его социальном измерении.

Однако может ли представленная на основе референциального подхода методологическая схема исследования резонансных процессов в социуме быть принята в качестве адекватной (в самой высокой степени продуктивной) в реальных исследованиях, где доминирует более простая причинно-следственная схема, как достаточная для объяснения большинства социальных состояний и процессов? Время покажет. Пока можно лишь предполагать, что методологически оправданно будет дифференцировать (различать) процессы прямого и резонансного взаимодействия объектов реальности, выделяя резонансные процессы как взаимодействия колебательных систем (считая такими все образования реальности) с совпадающими, близкими и кратными частотами.

История изучения резонансных процессов в социуме свидетельствует об общей направленности их когнитивной асимиляции как движении исследовательской мысли ко все более полному раскрытию механизмов неявных резонансов. Эта оценка будет справедливой и в тех ситуациях, когда неявные (ранее неизвестные механизмы резонансных процессов) оказывались связанными с известными (даже обыденно-обиходными) объектами и ситуациями. Таковы, например, носители резонансных воздействий в теории подражания Г. Тарда (новые предметы пользования, технологии действия и управления, кодексы верований и поведения, произведения искусства и др.) [5] и в концепции мемов Р. Докинза (от массово распространенных словечек, поговорок, мелодий до сложных мыслительных схем гениев науки и искусства) [6]. Тем не менее фундамен-

тальные результаты были связаны со столь же фундаментальными исследованиями в области естествознания. Убедительный современный пример – теория зеркальных нейронов [7], в соответствии с которой эффект резонанса в социуме – это в конечном счете действие определенной группы возбужденных нейронов. Какие еще природные силы могут быть причастны к механизмам резонансных процессов в социуме? На этот вопрос в настоящее время охотнее всех берутся отвечать представители пара-, квази- и лженауки (маги, колдуны, ясновидящие). Ученым же предстоит выявить действие природных сил в необходимом сочетании с социальными факторами.

Разумеется, социум (как и отдельный человек) – это элемент мироздания, находящийся в контакте (в том числе весьма опосредованном) с его другими элементами и испытывающий с их стороны определенное воздействие. Однако в русле анализируемой темы наиболее часто на первый план выходит проблема нейтрализации некоторых из этих воздействий. Об этом, в частности, свидетельствует содержание теории автопоэзиса, согласно которой эволюция живого базируется на механизмах поддержания идентичности биотических образований, нейтрализующих неприемлемые внешние воздействия. Первостепенное значение этих механизмов четко отмечают разработчики названной теории. «Я придерживаюсь того взгляда, – отмечал в свое время Ф. Варела, – что репродукция не является существенной для минимальной логики жизни... Идентичность имеет логический и онтологический приоритет над репродукцией, хотя и не предшествует репродукции в историческом плане» [8, р. 76]. «Для неодарвинистов, – подчеркивает ее современный представитель Э. Томпсон, – эволюция включает в себя *оптимизацию адаптации* через естественный отбор. А с точки зрения автопоэзиса эволюция включает в себя просто сохранение адаптации: до тех пор, пока живое существо не умирает, оно поддерживает свою автопоэтическую целостность, в силу этого оно адаптировано, поскольку его способ производства смысла продолжает быть жизненным» [9, р. 387].

Исследование механизмов распознавания и нейтрализации неприемлемых для биотических образований внешних природных воздействий – предмет определенного цикла естественнонаучных дисциплин. Их изучение в социальной сфере должно базироваться на данных этих дисциплин, поскольку социум (как и отдельный человек) – это образования, генетически и функционально связанные с биотой. И здесь на первый план выходит эволюционная проблематика, но, скорее, с акцентом не на идентичность, а на изменения эволюционирующих образований. В наше время стало понятно, что сохранение идентичности человека в его нынешнем социокультурном и цивилизационном качестве и тем более социума в целом невозможно в русле наблюдаемых процессов истощения необходимых для их существования ресурсов. Отсюда интерес к резонансным процессам как механизмам оптимизации направленности, темпов и ожидаемых результатов социальной эволюции.

Одним из наиболее известных и детально изложенных результатов работы в этом направлении является теория резонанса Х. Розы. Резонансные процессы в социуме автор рассматривает в сопряжении с наблюдаемой ныне тенденцией ускорения как доминирующей в его динамике. Понятие резонанса он использует для характеристики качества отношения человека и социума к миру как уравновешивающего издержки ускорения и уравновешенного (даже в своем роде как близкого к гармоничному), выделяя при этом три основных измерения («оси») социального резонанса: социальные, материальные и экзистенциальные [10, р. 43–44]. Он также называет их соответственно «горизонтальное» измерение (куда входят сфера семьи, проявления дружбы, политика), «диагональное» (включающее отношение к вещам в условиях работы, школьного обучения, в спорте, в потреблении) и «вертикальное» (это всеобъемлющие идеи или жизнь в соответствии с измерениями религии, природы, искусства и истории). Приоритетной является экзистенциальная ось, в русле которой люди ищут то, что их связывает с жизнью, природой, мирозданием в целом, где запечатлевается «опыт трансцендентальности». Тем не менее, будучи реалистом, внимательным к проявлениям повседневной жизни, Х. Роза выделяет в этих измерениях специфические «потенциалы резонанса и отчуждения». В итоге довольно пессимистическое резюме: «Резонанс остается обещанием современности, но отчуждение является его реальностью» [10, р. 624], т. е. резонансные процессы не только уравновешивают интенции ускорения социальных процессов и социального развития в целом, но, скорее, являются драйверами их неординарного хода.

Неординарность (оригинальность) направлений социального развития задает техносфера, в том числе за счет явно выраженного содержания резонансных процессов. Как известно, это основа конструирования объектов в радиотехнике, создания средств обработки информации, диагностического и лечебного оборудования, разработки строительных конструкций и т. д. В социально-гуманитарной сфере интенции социальной эволюции внешне определяются результатами прямого («кратического») воздействия принятых в определенном социуме идеологий, норм общежития, моральных систем, мифологических и религиозных верований, социально-психологических ориентаций массового сознания. Реакции на эти воздействия могут быть квалифицированы как социальные резонансы, неявно принимая расширенное понимание резонанса как отклика на любое внешнее и внутреннее воздействие. Однако, как было отмечено выше, это не эвристично. По меньшей мере для объяснения ситуаций социального выбора и поведения не в соответствии, а вопреки установкам прямого воздействия. Нельзя было не замечать инакомыслия (ересей, протестных настроений и др.), возникших на определенном уровне социальной эволюции. Их влияние на отдельных людей, социальные группы и социум в целом во многом связано с действием социальных резонансов, не выражаемых в явных формах. Соответственно, их неявные формы предстоит раскрыть коррелятивно их предметному, нормативному и рефлексивному содержанию, а также социальному статусу (специфике) их носителей.

Предметное измерение содержания неявного знания о резонансных процессах в социуме задает наиболее широкий масштаб его осмыслиения. Это представления мировоззренческого уровня о неизвестных источниках, носителях и механизмах резонансных процессов. Они строятся по аналогии с известными данными о характеристиках резонансных процессов в неживой и живой природе, например, стохастических резонансов, где отмеченные параметры (характеристики) фиксируются в явной форме и достаточно определенно [11]. Однако все ограничивается лишь структурной аналогией. Неясно, будут ли включены в состав носителей резонансных процессов и элементов их механизмов образования уровня темной материи, хотя это принципиально допустимо и отдаленно зондируется. В контексте нормативного измерения можно заметить неявно выраженные предпочтения методологическим регулятивам неовиталистической концепции (в основе представление о мироздании как живом организме) в определенной мере в противовес ресурсам методологического потенциала синергетического подхода. В русле рефлексивного осмыслиения содержания резонансных процессов сохраняет силу неявное представление о принципиальной неискоренимости доминирующего влияния резонансных процессов на жизнь социумов как тайного «серого кардинала», повелевающего событиями (Х. Роза и др.).

Названные неявные знания о содержании резонансных процессов в социуме имеют мировоззренческую и философско-методологическую направленность, что дает основание квалифицировать их в соответствии с вышеотмеченной тенденцией как фоновые. Но понятно, что в реально осуществляемых исследованиях могут функционировать и иные, более конкретные по содержанию типы неявного знания. Это представления об элементах исследуемой реальности, их субстратах и взаимодействиях, гарантках целостности изучаемых образований, направленности их эволюции в широком социальном контексте и др. В настоящее время на основной источник такого рода неявного знания претендуют средства электронной коммуникации и прежде всего интернет. Назовем эти неявные знания компонентными, не создавая жесткую границу между ними и фоновыми неявными знаниями. Компонентный тип неявных знаний, на наш взгляд, имеет широкое хождение (распространение в экстенсивном измерении) в социальных резонансах, что требует к нему особого внимания в плане оценки его влияния на общую картину резонансных взаимодействий в социумах. Основная трудность выявления степени и механизмов такого рода влияния кроется в упомянутых в начале статьи недостаточной изученности критериев разведения явного и неявного знания и доминировании ключевой характеристики неявного знания как личностного.

Заключение. Все имеющиеся квалификации типов неявного знания являются результатами сознательной аналитической работы, осуществляющей постфактум по отношению к выполненному исследованию. В русле же самого исследования неявное знание не фиксируется сознательно (сознательная фиксация сделала бы его явным). О наличии и характере (содержании) этого знания можно судить исходя из структуры и содержания результата исследования, сравнивая

эти параметры с тем, что было зафиксировано до проведенного исследования. Если окажется, что результат невозможна было бы получить без использования определенного (но не выраженного в ходе исследования в явной форме) предметного, нормативного или рефлексивного знания, то можно сделать вывод относительно его неявного существования и, соответственно, функционирования. По характеру выполняемых им функций можно судить о его типе и содержании.

Личностным характером неявного знания определяется диапазон неявного содержания резонансных процессов в социуме в целом. Этот диапазон очень широкий: от мировоззренческих представлений, типичных для определенной культуры и исторической эпохи, до индивидуальных тонкостей и предпочтений в осмыслиении компонентов мироздания и конкретных ситуаций в жизненном мире личности, чем порождается крайний релятивизм значимости неявного знания у конкретных людей и социальных групп. То, что у одних принимается в качестве определяющего фактора, для других может быть второстепенным или вовсе не учитываемым. Например, обывателя вряд ли заинтересует перспективная динамика состояния дна Мирового океана при осмыслинии им (в его отклике) событий в мировом агросекторе, но цены на сельхозпродукцию будут в центре внимания, как и многие определяющие их факторы экономического, финансового и политического характера. Для людей, продвинутых в геофизике, приоритеты, видимо, будут представлены несколько иначе. Аналогично в содержании массового отклика (социального резонанса) на региональные события в сфере образования достаточно отчетливо доминирует позитивная оценка его технико-технологической направленности, но культуролог обязательно обратит внимание и на теологическую, социально-психологическую и аксиологическую составляющие, нередко имеющие в данном конкретном регионе приоритетное значение. Обнаруживаемый групповой релятивизм не только регулярно подпитывает расширительное представление о масштабах неявного знания в резонансных процессах социума, но вместе с тем дает возможность рефлексивно осмыслить его генезис и реальное значение в русле исследования и научного решения проблемы управления резонансными процессами в социуме. Но это уже отдельная тема для исследования.

Список использованных источников

1. Цветков, В. Я. Анализ неявного знания / В. Я. Цветков // Перспективы науки и образования. – 2014. – № 1 (7). – С. 56–60.
2. Шеина, И. М. Роль фоновых знаний в понимании иноязычного текста / И. М. Шеина // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 6. – С. 111–117.
3. Лукашевич, В. К. Научный дискурс: креативное взаимодействие предметного, нормативного и рефлексивного знания / В. К. Лукашевич // Восьмой Российской философский конгресс «Философия в полицентричном мире»: сб. науч. ст.: [в 6 т.] / Рос. филос. о-во; гл. ред. А. В. Смирнов. – М., 2020. – [Т. 1]: Секции 1. – С. 147–149.
4. Шри Шримад А. Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада. Бхагавад-гита как она есть: в 2 т. / Шри Шримад А. Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада. – М. [и др.]: Бхактиведанта Бук Траст, 1990. – 2 т.
5. Тард, Г. Законы подражания: пер. с фр. / Г. Тард. – СПб.: Ф. Павленков, 1892. – 370 с.
6. Докинз, Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз; [пер. с англ. Н. Фоминой]. – М.: ACT, Corpus, 2019. – 510 с.
7. Rizzolatti, G. The mirror – neuron system / G. Rizzolatti, L. Grager // Annual Reviews of Neuroscience. – 2004. – Vol. 27. – P. 169–192. <https://doi.org/10.1146/annurev.neuro.27.070203.144230>
8. Varela, F. J. Patterns of life: intertwining identity and cognition / F. J. Varela // Brain and Cognition. – 1997. – Vol. 34, № 1. – P. 72–87. <https://doi.org/10.1006/brcg.1997.0907>
9. Thompson, E. Life and mind: autopoiesis to neurophenomenology. A tribute to Francisco Varela / E. Thompson // Phenomenology and the Cognitive Sciences. – 2004. – Vol. 3. – P. 381–398. <https://doi.org/10.1023/b:phen.0000048936.73339.dd>
10. Rosa, H. Resonanz. Eine soziologie der weltbeziehung / H. Rosa. – Berlin: Suhrkamp, 2018. – 815 s.
11. Стохастический резонанс как индуцированный шумом эффект увеличения степени порядка / В. С. Анищенко, А. Б. Нейман, Ф. Моос, Л. Шиманский-Гайер // Успехи физических наук. – 1999. – Т. 169, № 1. – С. 7–38. <https://doi.org/10.3367/UFNr.0169.199901c.0007>

References

1. Tsvetkov V. Ia. Tacit knowledge and its variants. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*, 2014, no. 1 (7), pp. 56–60 (in Russian).
2. Sheina I. M. Role of background knowledge in written discourse comprehension. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences], 2009, no. 6, pp. 111–117 (in Russian).

3. Lukashevich V. K. Scientific discourse: creative interaction of subject, normative, and reflective knowledge. *Vos'moi Rossiiskii filosofskii kongress «Filosofiya v politsentrichnom mire». Sektsiya 1: sbornik nauchnykh statei* [Eighth Russian philosophical congress “Philosophy in a polycentric world”. Section 1: collection of scientific articles]. Moscow, 2020, pp. 147–149 (in Russian).
4. His Divine Grace A. C. Bhaktivedanta Swami Prabhupada. *Bhagavad-Gita as it is*. 2nd ed. Bhaktivedanta Book Trust, 1990. 720 p.
5. Tarde G. *Les lois de l'imitation: étude sociologique*. Paris, Alcan F., 1890. 445 p. (in French).
6. Dawkins R. *The selfish gene*. Oxford, Oxford University Press, 1976. 224 p.
7. Rizzolatti G., Gragero L. The mirror – neuron system. *Annual Reviews of Neuroscience*, 2004, vol. 27, pp. 169–192. <https://doi.org/10.1146/annurev.neuro.27.070203.144230>
8. Varela F. J. Patterns of life: intertwining identity and cognition. *Brain and Cognition*, 1997, vol. 34, no. 1, pp. 72–87. <https://doi.org/10.1006/brcg.1997.0907>
9. Thompson E. Life and mind: autopoiesis to neurophenomejlogy. A tribute to Francisco Varela. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 2004, vol. 3, pp. 381–398. <https://doi.org/10.1023/b:phen.0000048936.73339.dd>
10. Rosa H. *Resonanz. Eine soziologie der weltbeziehung*. Berlin, Suhrkamp, 2018. 815 p. (in German).
11. Anishchenko V. S., Neiman A. B., Moos F., Shimansky-Geier L. Stochastic resonance: noise enhanced order. *Physics-Uspekhi*, 1999, vol. 42, no. 1, pp. 7–36. <https://doi.org/10.1070/pu1999v042n01abeh000444>

Информация об авторе

Лукашевич Владимир Константинович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт философии, Национальная академия наук Беларусь (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: knausoxana1323@gmail.com

Information about the author

Vladimir K. Lukashevich – D. Sc. (Philos.), Professor, Chief Researcher. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganova Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: knausoxana1323@gmail.com.